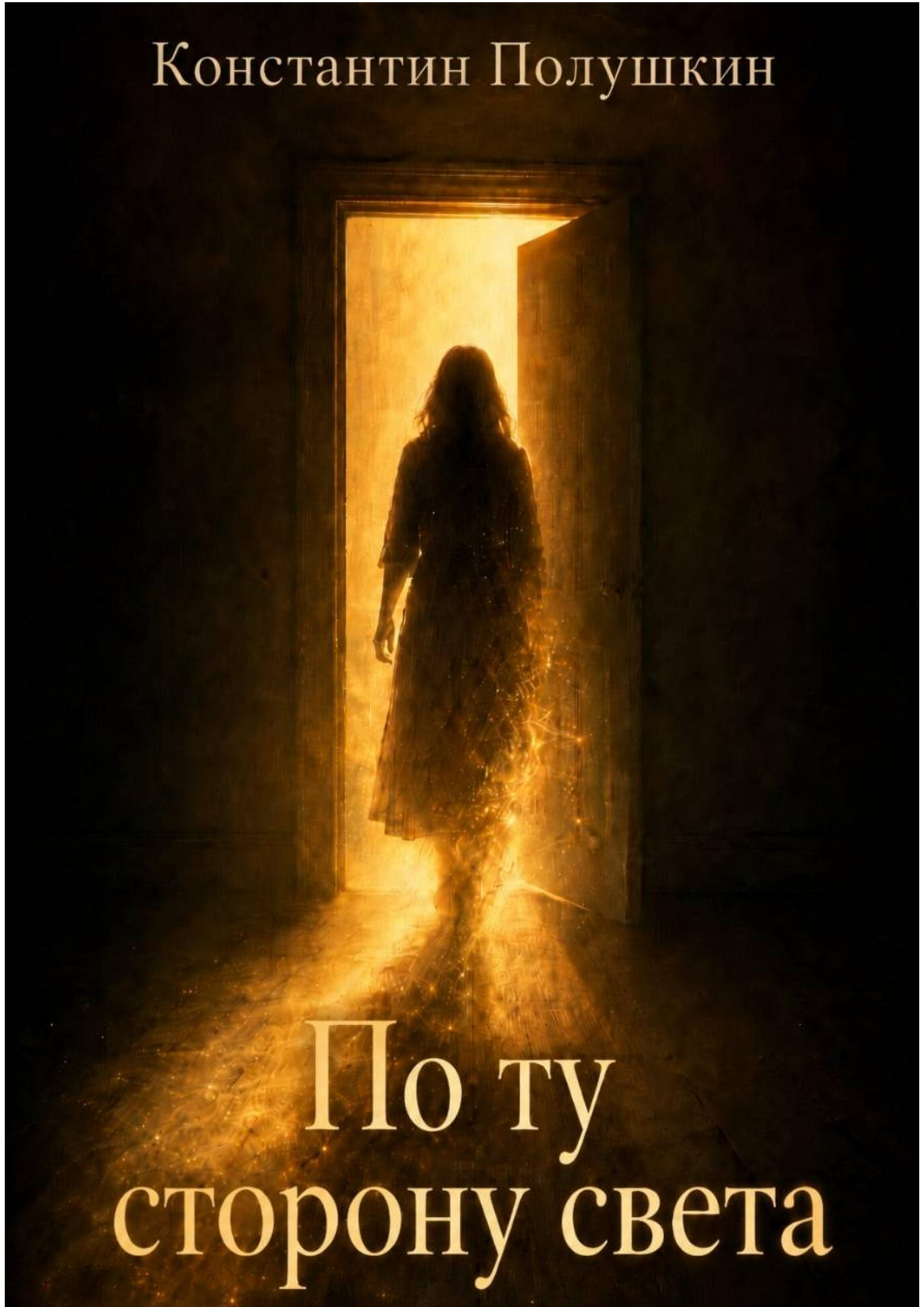
Константин Полушкин

По ту сторону света

Константин Полушкин

По ту сторону света

«Автор»
2026

Полушкин К.

По ту сторону света / К. Полушкин — «Автор», 2026

Лена всю жизнь собирала мелочи: перегоревшую букву на вывеске булочной, рубашку, которую муж носит четвёртый день подряд, кривые крылья на рисунке сына. Она не знала, зачем ей эта коллекция. Скоро узнает.После одной дождливой субботы в её доме становится слишком тихо. Потом начинаются странности. Фломастер, на который она сама надела колпачок, лежит открытым. В пустой квартире щёлкает старая радионяня. В зеркале ручка на двери детской повёрнута вверх, а из-под двери посреди декабря пробивается летний свет.За этой дверью её ждут. Там всегда пятница, будильник звонит в шесть сорок, а любую ошибку можно исправить. Но из-за стены всё отчётливее доносится голос, который зовёт её обратно.Эта история о двери, которую можно открыть с обеих сторон. И о том, как выбрать, когда любишь обе.

© Полушкин К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОЛЛЕКЦИОНЕР 5
Глава 1. Шесть сорок 5
Глава 2. Мокрая дорога 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Константин Полушкин
По ту сторону света

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОЛЛЕКЦИОНЕР

Глава 1. Шесть сорок

Будильник должен был зазвонить в шесть сорок, но не зазвонил — Лена уже не спала, когда на будильнике было 6:38, она подождала еще пару минут и выключила его на секунду раньше 6:40. Это была её тайная игра, единственная в жизни азартная привычка: проснуться до сигнала, лежать неподвижно, следя за экраном телефона, и ткнуть в кнопку ровно в тот миг, когда 6:39 перетекает в 6:40. Она почти всегда выигрывала. Проигрыш означал, что Андрей вздрогнет во сне и что-то пробормочет, а выигрыш не означал ничего — и именно поэтому был так дорог. Настоящие победы всегда бесполезны.

Она спустила ноги с кровати и замерла на пять секунд — привычка, оставшаяся с детства, когда мама говорила: «Не вскакивай, дай миру навестись на резкость». Потом натянула Андреевы носки — свои вечно исчезали, как будто в квартире жил кто-то маленький и мёрзнущий, — и пошла по коридору.

У детской она остановилась. Приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы увидеть: Мишка спал на животе, раскинув руки, как человек, который падал куда-то и забыл приземлиться. Одеяло сбито к стене, пятка торчит наружу. Пять лет — а ногу свешивает с кровати, как подросток. Лена поправила одеяло — не до конца, чтобы не разбудить, — и пошла на кухню.

Было шесть пятьдесят две. Солнце стояло низко и било в окно под таким углом, что пыль в воздухе превращалась в блёстки. Лена любила эти двадцать минут — промежуток между тишиной и шумом, когда квартира ещё принадлежала только ей. Скоро всё начнётся: Мишка потребует мультики, Андрей — кофе, кот Шуруп — неизвестно чего, потому что миска полная, но не та.

Она поставила сковородку, достала яйца и помидор. Яичница с помидорами была не завтраком, а литургией, и канон соблюдался строго: помидор — кубиками, ни в коем случае не дольками; яйца не размешивать, разбивать целиком — «чтобы жёлтое было круглое, мам». Лена сто раз объясняла, что это называется глазунья. Мишка сто раз отвечал: «Не-а. Это круглое».

Масло зашипело. Руки работали сами, а голова перебирала список: химчистка, лампочка омывателя мигает, Мишке нужны новые кеды — старые он уничтожил за три недели, рекорд даже для него, — завтра к маме в Тулу, не забыть резиновые сапоги.

Список в голове Лены не кончался никогда. Не потому что жизнь была сложной — потому что Лена не умела отпускать детали. Она замечала всё: новую стрижку соседки, перегоревшую букву «о» на вывеске булочной, то, что Андрей третий день подряд ходит в одной рубашке, хотя их у него семь. Она не делала выводов и не устраивала допросов. Она просто собирала. Мир состоял для неё из мелочей, и она коллекционировала их, как другие коллекционируют магниты из поездок, — жадно, машинально, не спрашивая себя зачем.

Потом она будет думать об этом даре иначе. Но это потом.

— Мам.

Мишка стоял в дверях в пижаме с динозаврами и тёр глаз кулаком. Выглядел он так, будто его собрали из запчастей: волосы в одну сторону, воротник задран, носок один.

— Доброе утро, мой хороший.

— Доброе. Я есть хочу. Что у нас?

— Угадай.

Он посмотрел на сковородку, прищурился, втянул носом воздух — серьёзно, как сомелье.

— Круглое?

— Круглое.

— Две?

— Три. Папе тоже.

— Папа спит, — сообщил Мишка с осуждением пятидесятилетнего человека и влез на стул. — Он вообще всегда спит.

Он ел, болтая ногами, которые не доставали до пола, и рассказывал про Костю из садика — тот принёс паука в коробке из-под сока и показывал девочкам за печенье. Лена кивала, подливала себе чай и косилась на часы. Семь двадцать. Нормально.

— Мам. А нарисуй мне ту лошадку. С крыльями.

— Мишенька, я не умею рисовать лошадей. Мои лошади похожи на собак.

— Тогда нарисуй собаку с крыльями. Тоже хорошо.

Лена засмеялась — не вежливо, а по-настоящему, запрокинув голову, громко, с всхлипом на вдохе. Этот смех она не умела контролировать. Андрей говорил, что влюбился именно в него: сначала услышал из соседней комнаты на чужом дне рождения — и пошёл искать источник.

Мишка притащил альбом, разложил листы прямо между тарелками и взял синий фломастер. Лена смотрела. Он всегда начинал одинаково: что бы он ни собирался рисовать — лошадь, машину, инопланетянина, — первым на листе появлялся дом. Квадрат, треугольник крыши, два окна, дверь. Потом в правом верхнем углу — солнце с лучами. И только внутри этой рамки разворачивалось всё остальное.

— Это наш дом? — спросила однажды Лена.

— Это просто дом, — ответил Мишка, не поднимая головы. — Все дома одинаковые.

— А солнце зачем каждый раз?

Мишка посмотрел на неё как на человека, задавшего очень странный вопрос.

— Чтобы было куда идти, если заблудишься.

Из коридора послышались шаги — тяжёлые, шаркающие, со вздохом на пороге. Андрей стоял в мятой футболке и моргал, как сова, разбуженная посреди зимней спячки.

— Кофе, — сказал он. Не попросил. Констатировал потребность.

— Чайник горячий, банка на полке.

— Я знаю. Но у тебя получается лучше.

— У меня получается точно так же. Ложка, кипяток, размешать.

— Нет. У тебя с душой.

Лена закатила глаза и сделала ему кофе. Он это знал. Она это знала. Ритуал.

— Так завтра к маме? — спросил Андрей, прогоняя остатки сна. — Суббота же.

— Завтра. Выедем пораньше, проскочим пробки.

— Ты за рулём?

— Я всегда за рулём.

— Потому что ты маньяк контроля, — сказал он в кружку, но достаточно громко.

— Потому что ты едешь шестьдесят по МКАДу, и за нами выстраивается похоронная процессия.

Мишка поднял голову:

— Это что?

— Ничего, — сказали они хором, и Лена поймала Андреев взгляд: он улыбался одними глазами.

Лошадь на листе тем временем стала похожа на облако с ногами. Лена дождалась, пока Мишка закончит туловище, наклонилась и пририсовала два крыла — кривых, одно больше другого.

— Сойдёт, — вынес вердикт Мишка.

— Спасибо за веру в мои способности.

— Пожалуйста.

По радио передали прогноз: суббота, облачно, к вечеру дождь, водителям рекомендуют соблюдать дистанцию на мокрой дороге. Лена переключила на музыку.

Перед выходом она надела колпачок на синий фломастер, подумала секунду и повесила рисунок на холодильник, прижав магнитом из Суздаля. Дом. Солнце в правом верхнем углу. Облако с ногами и кривыми крыльями.

Чтобы было куда идти, если заблудишься.

Из комнаты крикнул Андрей:

— Лен, ты мою синюю рубашку не видела?

— В шкафу, вторая полка, за свитером.

Пауза.

— Точно. Нашёл.

Она улыбнулась. Четвёртый день подряд.

По дороге в садик они слушали песню про акулу — в сорок тысяч первый раз, Мишка вёл строгий учёт. На перекрёстке у «Пятёрочки» Лена пропустила женщину с коляской, хотя та ещё даже не подошла к переходу. Женщина удивлённо кивнула. Лена кивнула в ответ. Из таких мелочей складывался её день: пропустить, придержать дверь, подобрать чью-то перчатку. Не из вежливости — из привычки замечать.

У садика она присела на корточки, поправила Мишке воротник.

— Ты мой самый лучший.

— Знаю, — сказал он и чмокнул её в нос.

Она смотрела, как он бежит к входу — рюкзак болтается, шнурок на левом ботинке уже развязался, — и чувствовала то же, что каждое утро: короткий укол в груди, похожий не на боль, а на её противоположность. Как будто сердце на секунду становится больше, чем помещается, а потом возвращается на место.

Мишка обернулся у двери, махнул рукой и исчез внутри.

Обычная пятница. Жизнь была понятной, простой и достаточной, и Лена не знала, что запоминает это утро навсегда, — потому что никто никогда не знает, какое из обычных утр окажется последним из обычных.

Глава 2. Мокрая дорога

Суббота началась с Мишкиного топота: он влетел в спальню в половине седьмого и с разбегу приземлился Андрею на живот.

— Едем! Едем к бабушке!

— Пять минут, — простонал Андрей в подушку.

— Ты всегда говоришь «пять минут», а потом спишь сто.

— Сто минут — это почти два часа, — сказала Лена, щурясь. — Папа столько не спит.

— Спит, — уверенно сказал Мишка. — Я считал.

Выехали в девять. Лена за рулём, Андрей рядом с дорожной кружкой, Мишка сзади в автокресле, с синим динозавром, у которого не хватало ноги. Лена предлагала взять зелёного, целого. Мишка отказался: «Синий храбрый. Он без ноги воюет».

Утро было прозрачное, начало осени — когда лето ещё не совсем ушло, но уже оглядывается через плечо. Мишка уснул через десять минут. Андрей поставил джаз — негромко, фортепиано перебирало ноты лениво, как будто тоже ещё не проснулось, — и прикрыл глаза.

— Лен, — сказал он, не открывая их. — У тебя ресница на щеке.

Она провела ладонью по щеке. Ничего.

— Нет там ничего.

— Я знаю, — он улыбнулся. — Просто хотел, чтобы ты перестала вцепляться в руль. Пальцы побелели.

Лена посмотрела на свои руки. Хватка была мёртвая, костяшки белые. Она не заметила. Расслабила пальцы, выдохнула.

— Я нормально.

— Ты всегда нормально. Даже когда ненормально.

Бабушка ждала у калитки — Лена ещё не заглушила двигатель, а Галина Петровна уже стояла там в переднике, с полотенцем через плечо, из-под которого торчал рукав старого бордового свитера. В этом свитере Лена помнила её столько, сколько помнила вообще. Невысокая, крепкая, с лицом, которое говорило: «Я вас ждала, вы опоздали, пирожки стынут, заходите».

— Бабушка! — Мишка выстрелил из автокресла и врезался в неё, как маленький снаряд.

— Господи, Мишенька, как ты вырос! — сказала бабушка, хотя видела его три недели назад. Она говорила это каждый раз, и каждый раз это было правдой: дети растут между визитами, в этом их коварство.

Потом она выпрямилась и посмотрела на Лену — быстро, цепко, как считывают показания прибора.

— А ты похудела.

— Мам, я не худела.

— Я вижу. Проходите, всё готово.

Дом пах яблоками и тестом — два запаха, которые означали для Лены «здесь»: точку, к которой можно вернуться из любой координаты. Обед шёл по протоколу, не подлежащему обжалованию: сначала суп, потом котлеты, потом пироги. Мишка попробовал оспорить порядок и потерпел поражение. Съел солёный огурец, сморщился, но дожевал — в бабушкиной системе координат способность доесть начатое была одним из ключевых показателей человеческого достоинства.

После обеда Андрей ушёл чинить калитку и пропал на два часа, из которых полтора, судя по смеху из сада, проговорил с соседом Петровичем через забор. Мишка нашёл под яблоней ежа и двадцать минут наблюдал за ним с лицом учёного, документирующего редкий вид, после чего прибежал с докладом:

— Ёж ест яблоко. Маленькое, зелёное. Ему невкусно, но он ест. Потому что другого нет.

— Откуда ты знаешь, что невкусно?

— По лицу видно.

Лена представила лицо ежа и решила не спорить.

Она осталась с мамой на кухне. Та чистила яблоки на сушку — нож, поворот, длинный завиток кожуры на газету, — и от этого монотонного движения внутри у Лены развязывался какой-то узел, которого она в обычной жизни даже не замечала.

— Ты устала, — сказала мама. Не спросила — сказала.

— Нет, мам. Нормально.

— Ты всегда говоришь «нормально». С пяти лет. Колено разобьёшь — «нормально». Двойку получишь — «нормально». — Мама положила нож. — Андрей хороший?

— Мам.

— Что «мам»? Спрашиваю.

— Хороший. Ты сама знаешь.

— Знаю. Но мне нравится, когда ты говоришь.

За окном Мишка бежал по саду с палкой, которая, судя по крикам, была мечом. Андрей размахивал отвёрткой у забора.

— Хорошо у тебя, мам, — тихо сказала Лена.

— Так приезжайте чаще, — ответила мама, не поднимая глаз от яблока.

Засобирались в шестом часу. Бабушка упаковала пирожки, банку варенья и пакет антоновки, поцеловала Мишку в макушку — чуть дольше, чем нужно, так, как будто запоминала, — и обняла Лену на пороге. Мама пахла тестом и яблоками, и Лена вдохнула глубоко, как будто запах можно сохранить в лёгких и увезти с собой.

— Ленка, осторожно на дороге. Дождь обещали.

— Знаю, мам. Я аккуратно.

— Ты всегда аккуратно. Всё равно — осторожно.

В зеркале заднего вида мама стояла у калитки в бордовом свитере, подняв руку, пока поворот не забрал её.

Мишка уснул через десять минут. Андрей задремал следом. За окнами темнело — не резко, а постепенно, как будто кто-то медленно убавлял яркость мира. Лене было хорошо. Не радостно — просто хорошо. Тихо. Полно. День удался — обычный, ничем не выдающийся, и именно поэтому удался.

Дождь начался за сорок минут до Москвы.

Сначала — редкие крупные капли, как будто кто-то сверху лениво щёлкал пальцами по воде. Потом чаще. Потом стеной. Дворники на максимуме не успевали: мир за стеклом превращался в размытую акварель, каждый взмах давал секунду ясности — и снова муть.

Лена сбросила до девяноста. До восьмидесяти. Андрей проснулся от изменившегося ритма.

— Ого. Льёт-то как. Может, встанем переждём?

— Тут негде. Обочина грязная, и видимость плохая — сзади могут не заметить.

— Тогда аварийку включи.

Она включила. Жёлтый индикатор замигал на панели — щёлк, щёлк, щёлк, как метроном, — и стало чуть спокойнее. Мишка завозился сзади, пробормотал что-то про ежа и затих.

Дорога была двухполосная, узкая, без отбойника — только разметка, стёршаяся на сужении. Встречные фары плыли навстречу размытыми жёлтыми пятнами, и каждое, проходя мимо, толкало машину лёгкой волной бокового ветра.

Потом одно из жёлтых пятен стало расти.

Не так, как обычно. Не приближаясь по своей полосе — смещаясь. Вправо. К разметке. Через разметку.

Лена не успела подумать. Тело сделало всё само: руль вправо, тормоз, чей-то крик — Андреев или её собственный, она так и не узнает, — и звук, который она не сможет вспомнить, но который будет сниться ей каждую ночь.

* * *

Потолок был белый и слишком яркий.

Где-то за пределами зрения пищало — ровно, монотонно, как будильник, который некому выключить. Болело всё сразу, как будто тело было одним большим синяком. Во рту — вкус металла.

Лена попыталась повернуть голову. Шея не слушалась. Правая рука ответила, левая — нет: катетер, пластырь, трубка за край кровати.

Больница. Она в больнице.

Андрей. Мишка.

Она хотела произнести это, но получился только хрип. Над ней появилось лицо — немолодая женщина в медицинской шапочке, с усталыми глазами.

— Тихо, тихо. Вы в больнице, вы в безопасности.

— Муж, — выдавила Лена. — Сын.

Лицо женщины изменилось. Едва заметно — почти никак. Но Лена всю жизнь коллекционировала детали, и эту деталь — микродвижение, с которым медсестра отвела взгляд, прежде чем сказать «вам нужно отдохнуть, доктор скоро придёт», — она поняла сразу и запомнила навсегда.

Потому что в этом движении был весь ответ. Она знала его с той секунды, когда жёлтое пятно начало расти не так, как обычно. Знала — и не могла позволить себе знать.

Доктор пришёл через час. Или через десять минут. Или через сутки — время в палате не имело формы, потому что потолок был одинаковым всегда. Он сел рядом и говорил слова, и слова проходили мимо, как те машины по встречной, — близко, но не задевая. «Множественные травмы». «Скончались на месте». «Мы сделали всё возможное».

Лена смотрела на потолок и считала. Яблоки в корзине на мамином столе — раз, два, три. Завитки кожуры на газете. Мишкин голос: «Ему невкусно, но он ест. Потому что другого нет». Андреев профиль на фоне пролетающих деревьев. Мамин бордовый свитер у калитки. Пирожок с повидлом, залепленный косичкой.

Она считала и считала и не могла остановиться, потому что коллекция — это всё, что у неё осталось, и потому что где-то в глубине, ниже слов, ниже боли, уже началась работа, о которой она не знала: её мозг, спасая её, разбирал этот день на детали и откладывал каждую — бережно, точно, как откладывают доски разобранного дома, чтобы собрать его заново в другом месте.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.